

ЕКАТЕРИНА МАРГОЛИС

ВЕНЕЦИЯ

КАРАНТИННЫЕ ХРОНИКИ

Екатерина Леонидовна Марголис

Венеция. Карантинные хроники

Серия «Очень личные истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61655621

*Е. Л. Марголис. Венеция. Карантинные хроники: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-127300-2*

Аннотация

Екатерина Марголис – художник, писатель, преподаватель живописи, участник персональных и коллективных выставок в Европе, США и России. Родилась в 1973 году в Москве. Живет и работает в Венеции. В основу этой книги легли заметки и акварели автора, появившиеся во время необычной весны-2020 – эпохальной для всего мира и в особенности для Италии.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

День первый	5
День второй	8
День второй. Вечер	17
День третий	22
День четвертый	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Марголис Венеция.

Карантинные хроники

© Марголис Е. Л., текст, иллюстрации

© Бондаренко А. Л., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

L.M.

*Ты здесь, мы в воздухе одном,
Твое присутствие, как город...*

Борис Пастернак

День первый

Ночной поезд Париж – Венеция прибыл на залитый солнцем вокзал Santa Lucia по расписанию. С него сошли несколько пассажиров. Безумцев вроде нас немного. Симфонии Малера не звучало. Группка то ли полицейских, то ли охраны уныло слоняется вдоль перронов. На мой вопрос о подписанном этой ночью правительственным указе об изоляции Венеции и о карантине пожимают плечами:

– Мы сами ничего не знаем, синьора. Декрет принят ночью. Нам никаких указаний пока не поступало.

То же повторяют и в кассах: поезда отходят и приходят по расписанию. Пока. Вплоть до особых распоряжений. Когда – не знаем. Может быть, к вечеру.

Набережная и вода сотканы из единого солнца. Отдельные прохожие отбрасывают выразительные акварельные тени. Вапоретто полупустой. Народ весел и спокоен. Гондольеры перекидываются шуточками. Какие-то неурочные японцы решили-таки прокатиться напоследок. Гондола пересекает путь нашему вапоретто.

К остановке подбегает стайка запыхавшихся англичан. Видя наши чемоданы, с ужасом спрашивают:

– Вас развернули с вокзала? Не выпускают?

– No worries. It's Italy¹.

И я терпеливо пересказываю содержание предыдущего абзаца.

Тем временем средняя дочь пытается улететь прямо сейчас обратно в Амстердам: мой звонок из поезда в шесть утра застал ее врасплох, билет был куплен без промедления – ей учиться, у нее диплом. Мы разминулись на 30 минут. Старшая раздумывает, не улететь ли прямо сейчас обратно в Лондон к любимому...

Удачно мы решили собраться вместе на эти выходные! Побывать своей семьей дома, посидеть на солнышке.

Зато наш пес Спритц рад-радехонек.

Кстати, в поезде висит памятка о коронавирусе из десяти пунктов: мыть руки, не трогать глаза и рот, не обниматься и не здороваться за руки, продукты, сделанные в Китае, и посылки из Китая **НЕ ОПАСНЫ**, и отдельным последним пунктом: домашние животные совершенно безопасны, они **НЕ** переносят вирус.

¹ Не беспокойтесь. Это Италия (*англ.*).

День второй

– Tutti i cani di Venezia!²

Действительно, большие и маленькие, породистые и дворняжки, таксы и лабрадоры, а также их пожилые и молодые хозяева, дети, семьи – все, словно сговорившись, отправились на воскресную прогулку на Лидо по пляжу вдоль моря. Песни, смех, спиртц, дети гоняют в футбол, мы радостно здороваемся со знакомыми, люди бросаются привычно друг другу навстречу для объятий и поцелуев, но рефлекс уступает место внутреннему напоминанию: стоп! Один метр дистанции!

Мы машем друг другу и шлем воздушные поцелуи. От капельных хотелось бы воздержаться!

Таковы новые санитарные нормы. Они висят всюду: в магазинах, в вапоретто, в барах, в ресторанах (только те рестораны и могут работать по новому указу, что имеют возможность гарантировать расстояние между столиками, и то – только до шести вечера!). Уже появились новые приспособления и шутки: традиционный спиртц теперь подается с метровыми трубочками.

Главное ж – хорошее настроение.

² Все собаки Венеции! (*итал.*).

Шуткам про то, как теперь в постели fare amore на расстоянии одного метра, нет конца.

Нежное солнце утра понедельника обнимает весь город целиком. Мы со Спритцем (собакой, а не напитком, ибо время раннее) выходим на прогулку. Если обычно я здороваюсь с каждым десятым, то теперь в опустевшем городе – с каждым вторым.

Вообще же обычное соотношение местных к туристам – 1 к 74.

Вот и мусорщики со своими тележками:

– Buongiorno, signora!

Останавливаемся в двух метрах друг от друга. Обмениваемся новостями. В Gazzettino наконец напечатан указ и конкретные меры. Не так страшен черт, как его малюют. Да, есть ограничения: закрыты по-прежнему школы и университеты, отменены все спектакли и кино, правительство всячески способствует smart working – то есть работе онлайн. Так что наши акварельные онлайн-курсы пришлись как нельзя кстати – никакие другие пока невозможны.

Что до передвижений, то тут значительные смягчения. Вернуться домой можно. Ездить по семейным обстоятельствам, по работе тоже – достаточно письма от работодателя или autocertificazione. Реальные строгости и кары касаются

только тех, у кого положительный тест на вирус и кому предписан карантин. Тут до трех месяцев тюрьмы и штраф 206 евро за неповиновение.

Бедная Венеция! Она-то попала как кур в ощи́п. И снова из-за туризма: чтоб не развозили вирус всему миру и по стране, как случилось в Ломбардии. Когда первая, более жесткая версия декрета попала в прессу до собственно его принятия, это вызвало панику, массовое скопление на вокзалах: ринулись на юг те, кто до этого никуда не собирался, ведь многие южане работают на севере по экономическим причинам, – и в результате штурм поездов и – *voilà!* – вирус поехал по всей стране дальше, а так бы оставался в Ломбардии. Губернатор Венето, исходя из текущих показателей, поначалу категорически возражал против включения Венеции в “красную зону”.

Но что сделано – то сделано.

Туристов нет. И в городе, и на вокзалах спокойно. Рост эпидемии у нас небольшой. Места сейчас много. В отличие от Ломбардии, где ситуация действительно трагическая – не хватает мест в реанимации, – в Венеции есть пустующие койки и даже изысканы дополнительные места. Нанимается новый персонал. Вызываются медики, ушедшие на пенсию.

Но, увы, медиашум поднят. Все мировые газеты вышли

с громкими заголовками. Мне обрывают телефон друзья и журналисты: как вы там в осаде без еды? Народ в панике? Штурмует магазины?

Ну что сказать? Каждый видит других и ситуацию через призму своего опыта и мироощущения.

В Венеции – через красоту.

Еды полно. Я зашла в супермаркет: никаких пустых полок. Для обеспечения нужного расстояния между покупателями в часы пик запускают по 50 человек. Народ относится с юмором и пониманием.

Отдельные лодки, груженные товарами, проплывают по каналу Джудекки. Жизнь течет. Жена напутствует отплывающего мужа из окна.

Знакомая пара архитекторов выгуливает свою собаку
Пиксель:

– Ciao!

– Ciao! Ну, что говорит твой папа про эпидемию? На самом деле все просто: это ответственность молодых перед стариками. Нам и детям не опасно. А вот нашим бабушкам и дедушкам... Мы вот своих предупредили, что ближайшие две недели только по телефону.

Спритц радостно виляет хвостом. Пиксель тоже согласна. Это про отношение людей к людям.

И пока всемирные организации одобряют меры итальянского правительства, и пока считают цифры и статистику (кстати, по количеству сделанных на душу населения тестов Италия на втором месте вслед за Кореей), остаются люди. Человек перед человеком. Лицом к лицу (на расстоянии одного метра, разумеется!). И потому все эти меры имеют смысл.

Мы и вправду знаем друг друга в лицо. И пока мир потешается над “беспечностью” итальянцев, пока не понимает, что вирус не бывает итальянским или китайским, мы будем стараться беречь своих стариков.

Средний (именно средний) возраст умерших – 81 год.

Италия при этом занимает пятое место в мире по продолжительности жизни – после Японии, Сингапура, Гонконга и Швейцарии. Это что-то да говорит о системе здравоохранения.

Большое количество заражений среди стариков и, соответственно, осложнений и смертей объясняется традиционной тактильностью и тесными социальными и семейными связями. В Италии (прежде всего на севере) старики несколько не отделены от общества. Бабушки и дедушки не только активно воспитывают внуков, часто живут вместе с молодыми семьями – отдельно, но в том же доме, – но и ведут свою жизнь: встречи, поездки. Социально мобильный образ

жизни.

Кроме того, в свою статистику смертности Италия включает людей не только умерших ОТ коронавируса, как другие страны, а людей – носителей COVID-19, умерших от рака, сердечной недостаточности и т. п. И это серьезно меняет картину.

Весь смысл нынешних мер не в особой опасности вируса, а в большом числе жертв и заразности. Именно поэтому на систему здравоохранения любой страны эти десять процентов осложнений, требующих госпитализации, ложатся непосильным бременем: койки, аппараты ИВЛ и все остальное рассчитано исходя из нормальной ситуации с некоторым запасом, но не таким огромным. Для того чтобы кривые эпидемии росли не так резко, и чтобы люди успевали вылечиваться (или, увы, умирать), и чтобы изыскать новые ресурсы, правительство предпринимает те меры, что предпринимает.

Солнце садится, и бар на углу закрылся...

Действительно, уже шесть часов вечера, а по новому указу после шести никаких тебе баров и ресторанов.

Тем временем в прямом эфире премьер Конте объявляет всю страну “оранжевой зоной” – как накануне Ломбардию, Венецию и другие 14 провинций. И хотя в прессе это звучит

как Italy is under complete lockdown³, в реальности это означает вот что.

До третьего апреля ограничивается передвижение по территории страны (между населенными пунктами) без уважительных причин, связанных с работой или серьезными семейными обстоятельствами / проблемами со здоровьем.

Но все же Италия – не полицейское государство, а гражданское общество. Поэтому любой человек, взвесив САМ все за и против, имеет право написать autocertificazione⁴, сам обосновать, почему ему нужно выехать куда-то по работе или по личным делам. Это может быть проверено, но само по себе будет достаточно веской причиной.

Мир людей. Он им и остается. Хрупкий баланс между безопасностью, ответственностью, экономикой и качеством жизни. В остальном все так же: бары и рестораны должны будут закрываться в 18, под запретом церковные службы, свадьбы и похороны (только родные), закрыты музеи и театры, торговые центры, дискотеки, залы с игровыми автоматами. Не работают школы и университеты.

Останавливается даже футбольный чемпионат – немыслимая для итальянцев мера!

Но Италию нельзя закрыть.

³ Италия полностью закрыта (англ.).

⁴ Автосертификат (итал.).

Всего неделю назад сама писала:

“Тут все мутирует и остается неизменным. Чем не сценарий? КАРНАВирус.

Музеи закрыты. Площадь пустынна, набережные безлюдны.

Музыка. Наплыв. «Смерть в Венеции» начинается ровно с этого сюжета: в городе эпидемия холеры, но власти скрывают ее”.

На этот раз власти ничего не скрывают. На Музее Академии красуется объявление, что музей закрыт, и указ губернатора о карантине.

Маски вернулись к своим историческим истокам. Туристы сменили карнавальные на медицинские. А местные как жили, так и живут обычной жизнью.

Ни одного человека в маске.

– Синьора, вам Gazzettino?

Старушка вливается в табаккерию, дыша духами и туманами.

– Да, пожалуйста. Хочу прочесть новости. Карнавал отменили, и спасибо. И Жирный вторник – тем лучше, не будут пьяные туристы орать под окнами. А что, и мессы Пепельной среды не будет? И сегодня тоже уже нет мессы ни в одной церкви?

– Si prega a casa, signora.

– Ma che roba! Una pazzia!

Отсутствие мессы – веками установленногo обычая – выбивает старушку из чувства хрупкого равновесия, столь неотъемлемого в городе на воде. Она еще раз внимательно перечитывает Gazzettino.

Мы выходим из табаккерии и двигаемся дальше. Китайский магазин всякой всячины, который мы надеялись сегодня поддержать, предусмотрительно закрыт с объявлением, что-де каникулы (срок при этом совпадает с действием указа).

Но жизнь течет по привычным каналам. С лодки торгуют овощами и фруктами. В кондитерской Tonolo дама в буклях покупает кулек frittelle (карнавальных пончиков). В сегодняшней передовице Corriere замечено точно: “Отменить карнавал на самом деле невозможно. Это как отменить Рождество. Оно есть, и всё”.

День второй. Вечер

– Катя, *bellissimo!* – голос из-за моей спины.

Синьора А. – владелица палаццо, потомок дождей. Мы знакомы лет сто. Одно время у нее дома был многоязычный литературный салон, потом я учила ее внука живописи...

– Спасибо тебе за эту картину. Не только за акварель, а за тебя на этом мосту, ее пишущую. Это вторая моя радость за сегодняшний день. Первая – я стояла на балконе и поливала цветы и вдруг увидела свою подругу на санпьеротте⁵. Она гребла сама и помахала мне, сказав: “Венеция возвращается к себе”. А вот теперь ты. *Venezia ai tempi di coronavirus è sempre bellissima*⁶.

Я стою на пустынном мосту Академии и пишу “картину карантина”: в кои-то веки могу позволить себе пленэр в этом месте, куда обычно невозможно просочиться, не сломав кадр десятку туристов, позирующих перед телефонами и селфи-палками на фоне церкви Салюте.

Теперь она смотрится по-новому. Ее купол словно бережно накрывает город. И вся история его читается иначе. 1630 год. В Венеции внезапно остановилась свирепствовав-

⁵ Традиционная старинная лодка (*итал.*).

⁶ Венеция прекрасна и во времена коронавируса (*итал.*).

шая повсюду чума. Остановилась не случайно, а благодаря беспрецедентным карантинным мерам Венецианской Республики. Да и слово “карантин” – венецианское: quarantena означает “40 дней”. Именно столько дней чужеземные моряки оставались на кораблях и дальних островах, прежде чем сойти на берег, дабы не занести чуму в Венецию. Вот чума побеждена, и дож Николо Контарини и другие правители решили построить храм, посвятив его Богоматери Здоровья (или Спасения: по-итальянски это одно и то же слово Salute) в память о том, как она избавила город от страшной болезни, унесшей тем июнем больше жизней, чем когда-либо. Уже четвертую сотню лет 21 ноября по этому мосту к церкви Санта-Мария-делла-Салюте проходит весь город. Истинный праздник народного благочестия. Венеция в этот день молится о болящих. В толпе мешаются торговцы и рыбаки, потомки дожей и бродяги. И плывет по мосту толпа. И звонят колокола, и взлетают в высокое небо грозди цветных шариков. И колеблется лес свечей под сводами Салюте. И специально возводится к этому дню мост, что повторяет бровь над нотным станом. Все связано. Legato... Мост – он и есть legato. Связь времен непрерывна. И legato оказывается всё. Ибо тонкие невидимые связи протягиваются туда, где все иное бессильно...

Я задумалась. Акварель тихо сама расплывалась по бумаге.

Время тоже.

– Катя, non ti sembra surreale?⁷ – Теперь по мосту проходит Моника, соседка и владелица булочной за углом.

Да, мне кажется сюрреальной эта картина пустынного Большого канала и моста, да и я сама, стоящая на нем с этюдником. Когда я последний раз писала отсюда, из этой точки? Лет 20 назад, наверное...

Вскоре за Моникой появляется нагруженный продуктами Пьеро, фотограф, отец ближайшей подруги одной из моих дочерей.

– Ciao! Как приятно видеть, что люди не сдаются. Мы все не должны падать духом.

Пьеро знает, о чем говорит. Их семья после “высокой воды” и теперешней туристической катастрофы на грани разорения.

Я киваю понимающе. Моя собственная мастерская до сих пор в руинах, а вместо обещанных компенсаций в город пришли чума и карантин.

Пьеро тащит тележку с продуктами вверх по мосту.

Еще минут десять проходит в тишине.

И снова за спиной раздается:

– Катя! Как это правильно – то, что ты делаешь. В такие времена Венеция должна держаться искусством. Так было всегда. Нам повезло, что мы венецианцы.

Еще один мой сегодняшний собеседник – особенный. Голос такой знакомый, что мне даже не нужно оборачиваться.

⁷ Тебе не кажется это нереальным? (итал.).

Обладатель голоса это знает и продолжает без паузы, не дожидаясь моего отклика:

– Знаешь, я сегодня перечитывал Мандзони, Promessi Sposi (“Обрученные”). Как будто сегодня написано!

Прямо на мосту он достает потрепанную книгу и читает вслух:

– “Что касается способа проникнуть в город – то Ренцо понаслышке знал, что существовал строжайший приказ никого не впускать в город без санитарного свидетельства, но что тем не менее туда отлично входил всякий, сумевший хоть немного изловчиться и выбрать подходящий момент. Так оно в действительности и было. И даже оставляя в стороне общие причины, по которым в те времена всякое распоряжение выполнялось плохо; оставляя в стороне причины частные, так затруднявшие неукоснительное его выполнение, – приходится сказать, что Милан находился уже в таком положении, что не было больше смысла оберегать его, да и от чего? Всякий попадавший туда казался скорее легкомысленным в отношении своего собственного здоровья, чем опасным для здоровья горожан... Дня не хватит, чтобы рассказать все, что стало с Миланом! Это надо видеть собственными глазами, потрогать собственными руками. От таких вещей сам себе становишься противен! Я, пожалуй, скажу, что постирушка эта пришлась мне в самый раз. А что эти синьоры собирались там со мной сделать! Услышишь, погоди. Но если бы ты только видел лазарет! Есть от чего расте-

ряться в этой бездне страданий. Ну, будет. Потом все тебе расскажу...

– Погодите: а чума-то? – сказал Ренцо. – У вас ее, думается мне, не было.

– У меня не было. А у вас?

– Была. Так вам нужно быть поосторожнее. Я прямехонько из Милана. И, как вы еще услышите, можно сказать, по уши залез в эту самую заразу. Правда, я все на себе сменил, с головы до ног. Но ведь эта гадость иной раз пристаёт прямо как какое-то колдовство. И так как Господь до сих пор охранял вас, мне хочется, чтобы вы были поосторожней, пока эта зараза не кончится. Потому что... Мне хочется, чтобы мы весело пожили вместе, да подольше, в награду за все страдания, какие мы претерпели...”

– Ладно, не буду тебя отвлекать.

Он тихонько обнимает меня сзади за плечи вытянутыми вперед огромными руками (дистанция один метр!), и фигура его удаляется, растворяясь в пустынных сумерках.

День третий

Было очень тихо. Тише, чем обычно в нашей Тишайшей. Иногда в кармане подрагивал телефон – бесконечная череда журналистов. Я нехотя соглашаюсь отвечать на вопросы всех каналов, хотя это и отнимает уйму времени, но мне кажется, сейчас очень важно донести не только трагические цифры (на сегодня зараженных в Италии 10 149, смертей 633), но и запах утреннего кофе, милые приветствия и шуточки, собачий лай, детский смех и этот золотистый всеобнимающий свет. словно базилику Сан-Марко с ее мозаиками вывернули наизнанку и частички рассыпались по улицам, площадям и каналам.

Утром состав прохожих мало отличался от обычного. Рабочие, служащие, мусорщики с тележками, бармены и продавцы, открывающие лавки. Пусть весь мир считает, что нас закрыли, – мы откроемся, как всегда. Туманное солнце спросонья протирает окна, купола, черепички. Открываются крылья ставен. Народ вытряхивает перины и подушки. Все как заведено. Годами, веками, эпохами.

К полудню людей снова чуть прибавилось. Обеденный перерыв: рабочий пьет кофе. Курьеры “Амазона” остановились на углу и жарко обсуждают китайские посылки. Говорят,

не опасны. Но как знать. Что-то смешное, трогательно старомодное и одновременно совершенно безнадежное есть в этом всеобщем (тут ли, в фейсбуке ли) квадратно-гнездовом узконациональном мышлении. “Итальянский вирус”. До этого был “китайский”. Отчего так сложно понять, что вирусы не подчиняются административным делениям, что не существует никакой единой Италии (например, Пьемонте отличается и отстоит от Калабрии примерно как Мурманск от Тбилиси, если не больше), что от Ломбардии вирусу сильно ближе до Австрии, чем до Сицилии... Как важно это понять – и наконец принять не пограничные меры, не политические, а реальные, общие, одни на всех. Эпидемии уже нигде не удастся избежать, почему тогда нужно обреченно ждать перескока цифр по мере того, как делаются (или не делаются) тесты (в реальности зараженных всюду куда больше). Пока же наше правительство, кажется, решило все-таки о нас позаботиться и рассматривает проект указа об отмене налогов и счетов за газ-воду-электричество на время карантина.

Что это? Нарастающий стрекот расколол на мелкие кусочки тишину венецианского неба. Над городом огромной стрекозой кружит столь непривычный для этих мест вертолет. Неужели решили патрулировать?

В этот момент меня нагоняют Риккардо и Сара, мои соседи-инженеры. Вид у них довольно запыхавшийся и растерянный.

– Что это, не знаете? – я киваю на стрекочущую точку-за-

пятую в голубом небе.

– Вертолет? А ты не знаешь? Carcere!⁸ У нас офис рядом, мы убежали. Заключенные подняли бунт, подожгли тюрьмы. Все из-за вируса! Им свидания отменили, они и взбунтовались. Один сбежал.

Кажется, в этом опустевшем карантинном городе нам не придется скучать.

С родины тоже известия в том же духе: говорят, Карант Гонституции (или я что-то напутала опять?) на месте до скончания века.

Я тороплюсь. Я во что бы то ни стало хочу попасть на пленэр: случай выбирать в городе любые места, даже самые классические ведуты, едва ли еще представится.

Пустынная, залитая солнцем Пьяцца. Я никогда не видела ее такой. Золотая голубятня у воды. Голуби, впрочем, тоже куда-то подевались вместе с туристами. Или улетели на карантин. Вместо них над Сан-Марко кружат чайки. Их тени на огромной пустой площади создают какое-то кинематическое кружево. Как будто завитушки, капители и пилястры с фасада Дворца дождей отделились в свободном полете.

Ощущение сна не покидает. Палле один на свете. Аркады Прокурации, закрытое кафе “Флориан” (чуть ли не впервые за 300 лет своего существования), ни музыки, ни оркестров.

⁸ Тюрьма! (*итал.*).

Пройдись Вагнер по такой площади в свое время – глядишь, не было б ни знаменитого фестиваля, ни “Тристана”.

Я расставила этюдник. Откуда ни возьмись, из-под земли выросло двое полицейских:

– Синьора, запрет на мольберты на Сан-Марко никто не отменял. Мне очень жаль. Я вас понимаю: сам изучал искусство, но правила есть правила. Сейчас особенно. Кроме того, жителям все-таки предписано по возможности быть дома и выходить только на краткие прогулки, по необходимости или по работе. Ах, это ваша работа? Тогда извините. Переставьте просто мольберт за угол, туда, ближе к Дворцу дождей – там мы не должны вас беспокоить. Ваше удостоверение личности, *carta d'identità*? Да нет, не нужно показывать. Мы вам верим.

Я готова была уже извлечь свое местное ID, где по трогательной итальянской средневековой привычке (не иначе от гильдий все это пошло!), кроме моего имени, даты рождения, роста, адреса и прочих основных данных, фигурирует профессия: *pittrice*⁹.

Свет сам растекался по листу. И снова, как вчера, проходили и останавливались знакомые. Когда еще встретишь кого-то на площади Сан-Марко? Обычно это как на Красной площади – идеальное место для конспирации и тайных свиданий. Толпы туристов, но местных никого.

⁹ Художница (*итал.*).

Сегодня все наоборот.

Поэт Лучио, знакомый гравёр Рома с вечной стайкой русских девушек (как и кто их сюда впустил – загадка, но Рома доволен), потом еще несколько человек.

Вдруг совершенно незнакомый старческий голос:

– Синьора, вы же хотите сказать, что сегодня лучший день вашей жизни! Разве могли вы мечтать писать этюды тут, в сердце Венеции, практически в одиночестве! И еще такая погода! Нынешняя Венеция напоминает мне мое послевоенное детство. Все спокойно, никаких толп, люди снова ходят на лодках на веслах, дети играют на площадях, художники пишут этюды... Словно машина времени... Акварель у вас чудесная – давайте дам вам адрес, в Местре, в Centro Candiani, проводят акварельный конкурс. Запишитесь обязательно!

И, решив, что она уже достаточно сделала для моего профессионального и карьерного роста, бодрая старушка зашагала дальше.

Я смотрела на ее силуэт в лучах заходящего солнца. Теперь каждый пожилой человек вызывает внутренний трепет: только бы жила, только бы не подцепила эту корону с шипами, терновый венец. Заявление реаниматологов Ломбардии, вызывающих к человеколюбию и в то же время приоткрывающих страшную реальность: мест в реанимации настолько не хватает, что медики вынуждены выбирать, кого спасать. Вирусная пневмония тем и страшна, что антибиотики бессиль-

ны, лечения нет, есть только реанимационные меры, искусственная вентиляция легких и надежда, что организм справится сам, своими силами, и человек задышит. Шансов больше у молодых. Такой страшный противоестественный отбор.

Кстати, сегодня пришел в себя и задышал сам 38-летний Маттиа, знаменитый “пациент номер один”, с которого началась итальянская страница эпидемии.

День четвертый

Что такое одна минута? Колокольный звон, растворяющийся в бирюзе канала, дробящиеся золотые блики, сходящиеся и расходящиеся отражения – целая жизнь: словно что-то живое под микроскопом. Чем дольше присматриваешься – тем больше видишь. Оторваться невозможно.

Что такое одна минута? Минуту назад я включила пресс-конференцию нашего премьера Конте. Он благодарит итальянцев, приносящих такие жертвы. И объявляет об ужесточении мер. Сегодняшний счет – плюс 2000 заболевших, 196 смертей (и пусть даже итальянская статистика сильно не в пользу итальянцев – повторю, в число умерших от вируса включены все те умершие, даже от других причин, у кого посмертно обнаружен коронавирус).

Минуту назад жизнь страны была другой.

С завтрашнего дня ПО ВСЕЙ ИТАЛИИ ЗАКРЫВАЕТСЯ ВООБЩЕ ВСЕ. Все малые и большие предприятия, парикмахерские, рестораны, бары, все магазины, кроме продовольственных и аптек. Все будущее галерей и музеев, все шалости фей, все дела чародеев... И даже выход на улицу, кажется, будет ограничен. Только один член семьи и только по самой крайней необходимости.

Правда, у нас собака. А у Спритца крайняя необходимость бывает минимум трижды в день. Но как же мои пленэры? Разве это не крайняя, первейшая необходимость для художника в осажденном городе? Впрочем, есть окна. А у нас еще и садик – невиданная по венецианским меркам роскошь. Грех жаловаться. И синяя лодка перед домом – старая torretta, личное транспортное средство: как раз по новому указу его может использовать только один человек.

Что такое одна минута? Теперь каждый день – эпоха.

Еще сегодня утром казалось, что жизнь вошла в свои берега. Город, просеянный через сито новых событий, отряхнул туристический глянec, как карнавальное конфетти, и снова стал тем, чем он всегда и был, – маленьким итальянским городком. Все принялись что-то мастерить и ремонтировать, появилась уйма шуток, какие подвиги можно совершить в “красной карантинной зоне”: протереть пыль на шкафах и буфетах, разобрать верхние полки гардероба комода, смазать петли скрипучих дверей, заштопать носки, узнать наконец, что интересуется твоих детей и волнует твоих близких, – список длинный.

Люди оправились от первого шока и отправились за покупками – на набережной Дзаттере даже выстроилась небольшая очередь. В супермаркет запускают 50 человек за

один раз, а остальные выстроились на солнышке, честно соблюдая дистанцию в один метр, но итальянское общение от этого не становится менее интенсивным. До меня долетают лишь обрывки фраз. “Questo dimostra quanti siamo in realtà”¹⁰. Кто-то возмущается высадкой американских солдат для учений НАТО на Сицилии: “Не иначе как все в масках и противогазах!” – это наш старик аптекарь яростно размахивает руками. Потом долетает слово Cina (Чина – Китай). Но я уже не вслушиваюсь.

Все тонет в солнечной дымке. Люди, разговоры, события. Стоит отойти в чуть более хрестоматийно-классические места (Сан-Марко, Риальто), как людей сменяют птицы. Чайки, голуби. Их туристическая лафа закончилась, на Пьяцце больше не поживишься задарма, и приходится возвращаться к реальной птичьей жизни. Утки и даже болотная цапля горделиво выступают вдоль Большого канала.

Пустой мост. Закрытые лавки. “Сюр-Риальто”, – мелькает в голове название будущей картины. Пустынные солнечные улицы вокруг рыбного рынка. Только бесшумные тени и хлопанье ангельских крыл. Незаметно я дошла до Корте Миллион – дом Марко Поло. Как причудливо плетется это кружево. Венецианец Марко первым отправился в Китай. Потом Китай пришел к нам. Теперь из-за пришедшего из Китая вируса китайские же туристические лавки и кафе вокруг

¹⁰ Вот теперь видно, сколько нас на самом деле (*итал.*).

Риальто снова опустели. Как и голубям, туристическим магазинам и ресторанам приходится впервые столкнуться с реальной жизнью города.

“Книга о разнообразии мира” пополнилась еще одной коронаглавой. Вирус действительно разнообразен, и расходящиеся штаммы позволили сегодня ответить на вопрос, который мучил всех эпидемиологов: от кого заразился Маттиа, “пациент номер один”, никак не связанный с Китаем? Ответ оказался парадоксален – он заразился в Германии. Штамм совпадает с мюнхенской веткой. Сколько еще мы будем делить вирусы и заслуги?

Сегодня ВОЗ объявила о пандемии. Но воз и ныне там. Все охают про Италию, не понимая, что завтра это же будет и у них. Во всяком случае, 500 новых случаев во Франции и 11 трупов только за сегодняшний день не дают поводов для иных прогнозов. Flatten the curve!¹¹

¹¹ Сплющить кривую! (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.